

Катиш Петкевич

Девять шагов
на

восток

Убийство по-английски

Катиш Петкевич

Девять шагов на восток

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петкевич К.

Девять шагов на восток / К. Петкевич — «Эксмо»,
2026 — (Убийство по-английски)

ISBN 978-5-04-256405-5

Английский городок Роттон, 1970-е годы. Журналист Томас ведет расследование серии убийств молодых женщин, среди которых когда-то была его мать. Все указывает на некоего мистера Брауна. Мистер Доу работает в школе, и не может избавиться от ощущения, что его все преследуют. Ученики, воспоминания о прежней жизни, – а также странные телефонные звонки, где говорят всего одну фразу: «Девять шагов на восток». Мистер Доу уезжает в Лондон отдохнуть, но в столице сталкивается с загадочным мужчиной в сером пальто, который угрожает ему расплатой. Прошлое возвращается за ним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256405-5

© Петкевич К., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катиш Петкевич

Девять шагов на восток

© Петкевич К., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Роттон, Англия. 1960-е

Машина странно дернулась на повороте в сторону улицы Парк-Клоуз, заставив констебля Дэна Уиллоуза в очередной раз выругаться. «И как мне, скажите, работать на такой развалюхе? Эти идиоты в управлении, небось, разъезжают на новеньких отполированных авто! Вот уж не думал, устраиваясь в полицию, что буду рисковать жизнью, не гоняясь за преступниками, а сидя за рулем этой колымаги!» – раздраженно процедил он.

Впрочем, его мрачные мысли мгновенно улетучились, как только он вспомнил о планах на вечер. Вот уже два месяца Уиллоуз был без памяти влюблен в официантку Бетти из паба «Убитый олень». Она недавно приехала из соседнего города присматривать за больной матерью. Уиллоуз помнил Бетти еще девочкой, маленькой и крикливой. Бетти тогда ему казалась совершенно обычной: рыжие волосы, полные щеки, усыпанные мелкими веснушками, тонкие губы – из такой никогда не вырастет красавица.

Спустя годы она вернулась в родной город и мгновенно сразила своим обаянием не только Уиллоуза, но и, пожалуй, всех посетителей «Убитого оленя». На Уиллоуза она не обращала никакого внимания и разговаривала с ним с дежурной любезностью, вежливо игнорируя его неловкие комплименты. Как он узнал позже, на тот момент она встречалась с каким-то мерзким снобом из Лондона, который, согласно сплетням, периодически ее поколачивал, напившись до чертиков, а затем, протрезвев, замаливал грехи огромными букетами и обещаниями непременно измениться.

Другая официантка «Убитого оленя», Мэри Грин, старая знакомая Уиллоуза, едва прознав, что Бетти наконец-таки рассталась со своим горе-ухажером, поспешила шепнуть об этом Уиллоузу и даже пообещала передать Бетти его номер телефона. Уиллоуз, который к тому моменту уже почти растерял всю надежду, вновь воспрянул духом. Возвращаясь домой со смены, он все время прислушивался, не звонит ли телефон. А когда тот все же звонил – с замиранием сердца кидался к трубке. Но каждый звонок оказывался разочарованием. Бетти так и не позвонила.

Тогда Уиллоуз решил, что с него хватит: пора брать судьбу в свои руки. Он вознамерился лично пригласить Бетти на свидание. И чем скорее, тем лучше. Наверняка она уже получила не одно признание в любви. Уиллоуз прекрасно понимал: мало просто пригласить ее на свидание, важно было произвести сильное, желательно неизгладимое впечатление. Но вот вопрос, как это сделать?

Уиллоуз помнил тот день практически поминутно: он ушел со смены чуть раньше (с трудом уговорив коллегу Эшли – черт бы того побрал – подменить), взволнованно пригладил перед зеркалом взъерошенные волосы и едва не бегом направился в сторону «Убитого оленя». Остановив свой взгляд на стойке с овощами, который иной раз себе бы не позволил, он стал нетерпеливо ожидать официантку, надеясь, что это будет Бетти. Но вместо нее заказ принесла Джоанн, которую он знал еще со школы.

Впрочем, у Уиллоуза был продуман план действий на такой случай. Покончив со стойком, он поймал пробегающую мимо Джоанн и грозно спросил:

– Не работает ли сегодня Бетти?

Джоанн хитро улыбнулась:

– А почему ты спрашиваешь?

Уиллоуз фальшиво сдвинул брови и злобно (наверное, даже слишком злобно) процедил:

– Я хочу написать на нее жалобу! Я возмущен ее поведением, такое совершенно недопустимо! – И для пущей убедительности даже стукнул слегка трясущимся кулаком по крышке стола. – Неси сюда бумагу и ручку! Сейчас же!

Джоанн убежала в сторону комнаты для персонала и через мгновение вернулась с бумагой и ручкой. Уиллоуз выхватил протянутый лист и принялся что-то яростно писать. Вскоре подскочила сама Бетти, запыхавшаяся и покрасневшая от волнения. Взгляд ее серых глаз испуганно скользил по грязной полицейской форме Уиллоуза. Наверняка мысленно прощаясь со своей работой, она робко произнесла:

– Вас что-то не устроило, сэр?

От звука ее голоса Уиллоуз едва заметно вздрогнул, но слабину не дал и, резко подняв на нее голову, бросил:

– Да за такое, мисс, и арестовать можно! – Он протянул ей лист бумаги и нетерпеливо дернул рукой. – Ну же, читайте!

Румянец на щеках Бетти мгновенно пропал, уступив мертвенной бледности. Стоявшая рядом Джоанн в ожидании скандала переводила заинтригованный взгляд с Уиллоуза на Бетти. Несчастная Бетти, едва двигая сухими губами, начала:

– *«По месту требования. Это абсолютное безобразие, что такая замечательная девушка до сих пор не сходила со мной на свидание! В связи с этим...»*

Исчезнувший румянец вспыхнул на щеках Бетти с новой силой. Она подняла на Уиллоуза изумленный взгляд.

– Продолжайте, продолжайте! – поторопил ее Уиллоуз, еле сдерживая улыбку.

– *«...В связи с этим я вынужден принять меры и пригласить вас на свидание в эту пятницу после вашей работы. В случае сопротивления мне придется арестовать вас!»*

Осознав, что скандала не будет, Джоанн разочарованно удалилась. Уиллоуз и Бетти остались наедине. Руки Бетти все еще заметно дрожали, однако голос зазвучал неожиданно твердо:

– Вы меня чуть до смерти не напугали!

Мгновенно растеряв весь свой грозный вид, Уиллоуз с надеждой заглянул в серые глаза:

– Ну что скажете насчет пятницы?

Бетти знала себе цену и тратить время на первого встречного не собиралась. Только на этой неделе ее уже дважды приглашали на свидание, а ведь то был лишь вторник! Но было в Уиллоузе нечто такое, что отличало его от остальных поклонников Бетти – едва уловимая ранимость, которая, несмотря на напускную серьезность и грозность, несмотря на строгую форму полицейского, все равно читалась в его светлых глазах.

Поразмыслив пару мгновений, она капризно произнесла:

– Не знаю даже... Подходите к «Убитому оленю» в пятницу в восемь. Если у меня не будет никаких планов, то, может, и увидимся.

Она собралась было уходить, как вдруг обернулась, и на веснушчатом лице ее мелькнула хитрая улыбка. Сердце Уиллоуза заклокотало, заскакало и принялось больно биться внутри. «Влюбился! Точно влюбился, черт побери!» – заключил Дэн и стыдливо уперся взглядом в пустую тарелку.

Машина снова дернулась и издала неприятный скрежещущий звук, спугнув мысли Уиллоуза о предстоящем свидании. В конце улицы Парк-Клоуз он заметил припаркованный бежевый «Моррис» «Скорой помощи». Подъехав поближе, он открыл дверцу ненавистной машины и, настороженно оглядевшись, быстро определил, куда ему стоило направиться. Небольшая кучка людей – человек пять-шесть – суетливо переговаривалась меж собой возле двухэтажного дома скучнейшего коричневого цвета. Завидев Уиллоуза, все сразу замолкли, устремив на него обеспокоенные взгляды.

Невысокий мужчина лет сорока на вид, взъерошенный и невероятно бледный, поспешно шагнул к Уиллоузу:

– Слава богу, вы здесь! – Голос его заметно дрожал, а невыразительные глаза, казавшиеся микроскопическими под толстыми линзами очков, беспорядочно метались по нахмуренному лицу Уиллоуза. – Я-я не знаю, кто... Как *такое* могло...

– Что здесь произошло? Вы владелец дома? – отрезал Уиллоуз, толкнув ногой входную дверь.

Мужчина заломил трясущиеся руки:

– Да, сэр, это наш... Мой дом... Случилось ужасное!

Он пробормотал еще что-то неразборчивое, но Уиллоуз, отстранив того рукой, попросил подождать снаружи. Войдя в темный узкий коридор первого этажа, он услышал приглушенные голоса в гостиной и сразу направился туда. «Надеюсь, ничего серьезного, – торопливо размышлял он, шагая по скрипучему полу. – Через два часа мне кровь из носа нужно быть у „Убитого оленя“, иначе...»

Завернув направо, он оказался в небольшой комнате, отделенной от кухни деревянным столом-стойкой. Уиллоуз ожидал увидеть разбросанные повсюду вещи после какого-нибудь пьяного дебоша да кряхтящего пьянчугу на грязном полу, которого врачи «Скорой помощи» приводят в чувство.

Но, к его удивлению, никаких свидетельств пьяного погрома он не видел. В гостиной было чисто и прибрано. На стенах, обклеенных модными оранжевыми обоями, висело множество семейных фотографий со счастливыми людьми, а на мраморной каминной полке раскинулись пушистые ветви мимозы в вазе. Впрочем, даже душный аромат мимозы не мог перебить странное тягостное напряжение, повисшее в воздухе, словно густой табачный дым.

Единственным странным предметом был скромный букет роз в безвкусной упаковочной бумаге, который по какой-то причине сиротливо лежал на полу возле одного из кресел. Он сразу бросился Уиллоузу в глаза.

– Констебль Уиллоуз! Рад вас снова видеть, хоть и при таких печальных обстоятельствах! – Из кухни вышел мистер Смитс, водитель «Скорой помощи», они периодически сталкивались в «Убитом олене». Мистер Смитс был знатным весельчаком, и за свою долгую жизнь он накопил множество невероятно смешных анекдотов. Но в его напускной улыбке не было ни капли веселья.

Уиллоуз быстро пожал ему руку и нетерпеливо спросил:

– Что здесь такое стряслось?

– Пожалуй, вам стоит увидеть это собственными глазами, – мрачно ответил второй сотрудник «Скорой помощи», юный Марк Гиббсон, неожиданно появившийся за столом-стойкой на кухне.

Марк Гиббсон тоже попытался приветственно улыбнуться, но уголки его тонких бесцветных губ тотчас соскользнули вниз. Уиллоузу даже на мгновение показалось, что в глазах юноши мерцало нечто похожее на страх.

Сделав шаг в сторону деревянной стойки, Уиллоуз с неудовольствием заметил багровый запекшийся след на краю кухонного стола. Застывшие капли не сулили ничего хорошего. Уиллоуза внезапно пронзило острое желание остаться в гостиной, однако Марк Гиббсон, ошибочно приняв его испуг за растерянность, указал на что-то рукой:

– Вот, смотрите, она здесь.

«Она!» – тревожно мелькнуло в голове Уиллоуза. Он с усилием сделал еще пару шагов к кухонному столу. Марк Гиббсон отошел немного в сторону, и взгляд Уиллоуза упал на огромное бурое пятно, растекшееся по полу. Поверхность пятна была неестественно гладкой и неподвижной, в нем, словно в зеркале, отражалась чуть ли не вся кухня. Еще пара шагов, и сердце Уиллоуза бешено заколотилось от увиденного.

«Черт подери, – с горечью подумал он. – Похоже, свидание с Бетти сегодня придется отменить».

Часть I

Глава I

Блэк-Гроув, Англия. 1970-е

Прозвенел школьный звонок, и ученики радостно повскакивали со своих мест, бойко закидывая тетради и учебники в сумки. Взгляд мистера Доу, учителя математики, заскользил по лицам подростков и остановился на худом высоком Джеймсе, тот о чем-то болтал с друзьями. Властно махнув рукой в его сторону, мистер Доу негромко произнес:

– А ну-ка, Джеймс, подойди.

Разочарованно шепнув что-то одному из ребят, Джеймс поправил упавшую на глаза белокурую прядь и нехотя направился в сторону учителя.

– Садись. – Мистер Доу кивнул на один из стоявших рядом стульев и, как только Джеймс в него небрежно бухнулся, впился в парня изучающим взглядом. Выдержав недолгую паузу, он продолжил: – Ты сегодня снова спал на уроке. Что с тобой происходит?

Джеймс, равнодушно растекшийся было по стулу, вдруг резко выпрямился, настороженно обернулся на покидающих класс учеников и еле слышно буркнул:

– Ничего.

Глаза мистера Доу недоверчиво сощурились, и он, поправив очки, настойчиво повторил:

– Что с тобой такое? Что происходит?

Джеймс ничего не ответил, лишь скрестил руки, демонстративно уставившись в пол. Последние ученики вышли из класса, и в помещении повисла напряженная тишина.

Внезапно по лицу учителя пробежала тень догадки. Он поднялся и, опершись длинными изящными пальцами на стол, словно коршун, навис над Джеймсом:

– Это из-за отца, не так ли? Ты опять ночевал на улице?

Щеки Джеймса вдруг вспыхнули, и он дерзко бросил:

– А вам-то какое дело?

– Джеймс, я беспокоюсь! – поспешил ответить мистер Доу.

Раскрасневшееся лицо Джеймса пошло бледными пятнами. Резко подавшись вперед, он истерично крикнул:

– К черту мне ваше беспокойство! – На мгновение он затих, а затем с презрением добавил: – Чтоб вас... – С его сухих губ слетело грубое, отвратительное ругательство.

Еще немного, и воздух заискрился бы от напряжения. Мистер Доу, оттолкнувшись пальцами от стола, отпрянул к стене и устремил изумленный взгляд на ученика. Джеймс тем временем сконфуженно уставился на собственные ботинки.

С трудом справившись с охватившим его замешательством, мистер Доу нервно улыбнулся:

– Что ж, в таком случае тебе придется задержаться завтра после уроков на сорок минут. Посидишь в классе для отстающих, поразмышляешь над своим поведением...

Джеймс в ужасе вскочил со стула:

– Но, мистер Доу, прошу вас! Только не завтра! У нас важный матч, меня исключат из команды, если я не приду!

Учитель молча наблюдал за отчаянием Джеймса, который испуганно заметался вдоль стола:

– Я готов сегодня, послезавтра... Да хоть всю неделю готов оставаться после уроков! – Он с надеждой заглянул в лицо мистеру Доу, но, не найдя там ни доли сострадания, взвыл. – Пожалуйста!..

Мистер Доу потянулся за блокнотом, не спеша убрал его в сумку, сдвинул ручки и карандаш на край стола и, наконец, взглянул на трясущегося от волнения Джеймса:

– Мисс Паттерсон будет ожидать тебя завтра после уроков в кабинете четыреста семь, – и, завидев как Джеймс в возмущении открыл рот, быстро добавил: – Надеюсь, мне не нужно повторять дважды.

Джеймс в иступлении сжал кулаки и выбежал из класса. Однако спустя всего мгновение его белокурая голова вновь показалась в дверном проеме:

– Я вам этого не забуду!.. – с ненавистью прошипел он и скрылся в коридоре.

Мистер Доу еще с минуту смотрел на дверь невидящим взглядом, после чего задумчиво провел рукой по усам, едва слышно вздохнул и, захватив сумку, направился прочь из кабинета. Для большинства учеников уроки закончились, и коридоры школы, обычно наполненные детскими визгами и смехом, казались неестественно пустыми и тихими. Спустившись по широкой лестнице, мистер Доу кивнул на прощание дежурному, вышел на небольшой двор и обернулся. Над ним нависало массивное кирпичное здание школы с викторианскими каменными кружевами и белой деревянной башенкой на крыше, в которой мерно покачивался на ветру небольшой колокол. В предзакатных солнечных лучах кирпичная кладка приобретала багровый, почти кровавый оттенок, а длинные узкие окна помутнели и напоминали глаза слепца.

Мистер Доу взглянул на наручные часы, которые он по старой привычке носил циферблатом на внутренней стороне запястья, и сразу же заторопился домой, ему не хотелось пропустить любимый новостной выпуск по телевизору. Путь мистера Доу от школы до небольшой квартиры составлял всего три улицы – прямо по Мальборо-роуд мимо заброшенной церкви, затем налево по Уорик-авеню вдоль длинного ряда одинаковых столетних домов с облупившейся краской на стенах, а затем до конца Ричмонд-лейн, где ютился его трехэтажный дом на три квартиры.

Проходя мимо детской площадки, построенной кое-как из обломков разрушенного дома, мистер Доу услышал хриплый голос:

– Эй, добрый вечер! Куда спешите, мистер Доу?

Из окна дома напротив, некогда шикарного и богато украшенного лепниной, а теперь безобразно обшарпанного, вывалилась старуха Грейс. Она давно прокурила последние зубы и пропила последние деньги. Нагло улыбаясь спешно шагающему мимо мистеру Доу, она повторила:

– Куда спешите? – а затем хитро подмигнула. – Уж не в церковь ли грехи замаливать?

«Опять будет просить деньги», – промелькнуло в голове мистера Доу, и он вежливо отмахнулся:

– Именно туда, мисс, именно туда.

Старуха расхохоталась, широко разинув голые десны:

– И все вы врите, мистер Доу! Уж я-то знаю, что вы в Бога не верите!

– Позвольте, откуда вам знать? Вы же сами в церковь ходите не чаще раза в десятилетие? – холодно улыбнулся мистер Доу, но, взглянув на старый свитер старухи Грейс, вдруг смягчился. Выудив из кармана несколько монет, он положил их на грязный подоконник, коротко кивнул и быстро зашагал прочь.

Старуха Грейс тут же кинулась пересчитывать монеты и, как только мистер Доу скрылся за поворотом на Ричмонд-лейн, пробурчала: «А, черт его! Дал какую-то мелочь! Да сейчас даже бутылку пива на это не купишь!» Затем поправила проеденный молью свитер и принялась высматривать новую жертву.

Улица, в конце которой находился дом мистера Доу, состояла из ряда соединенных между собой одинаковых трехэтажных зданий, построенных еще во времена правления королевы Виктории. Изначально каждая постройка была рассчитана на одну семью, однако же на деле дом делился в лучшем случае на две-три крохотные квартиры, зачастую без каких-либо удобств и отопления. Камин, заботливо установленный на каждом этаже, во многих домах уже давно пришли в негодность, дымоходы забиты или заделаны, да и вообще отапливать помещение дровами было отнюдь не дешевым удовольствием.

Квартира мистера Доу находилась на цокольном этаже, куда менее всего проникало солнце, а значит, где более всего скапливалась влага. Толкнув чугунную калитку, отделявшую поросшую мхом узкую лестницу от тротуара, он спустился и, торопливо сунув руку в карман плаща, достал небольшую связку ключей. Дверь скрипнула, и мистера Доу встретила унылая гостиная. Рядом с окном, плотно занавешенным тяжелыми коричневыми шторами, ютились старое кресло да крохотный журнальный столик с телефоном и засаленной адресной книгой; на стене чернели полупустые книжные полки, по которым были беспорядочно разбросаны газеты, энциклопедии и одежда. В середине комнаты разместился большой потертый диван, обращенный к, наверное, единственному хоть сколько-то ценному предмету – телевизору «Альба» конца 1960-х на четырех тонких ножках.

Мистер Доу бросил плащ и сумку на кресло у двери и протянул пальцы к переключателю на телевизоре. Раздался щелчок, гостиную наполнил приятный голос диктора. Завидев, что новостной выпуск уже начался, мистер Доу подбежал к кухонному шкафу в конце комнаты и принялся спешно организовывать себе чай.

«Глава профсоюза пожарных намерен встретиться с премьер-министром завтра с целью обсудить массовую забастовку, развернувшуюся на этой неделе...» – надменно вещал Питер Гроувз, немолодой диктор в строгом сером пиджаке и темном галстуке.

«Опять бастуют!» – недовольно прошептал мистер Доу, опустившись на диван с кружкой обжигающе горячего чая в руках.

Признаться, поначалу он с воодушевлением встретил новости о забастовках. «Правильно, пускай профсоюзы укажут этим проклятым лейбористам, где их место!» – в сердцах думал мистер Доу, смакуя новостные выпуски. Однако стабильность в стране все никак не воцарялась, а расшатанная экономика и растущее недовольство провоцировали все новые забастовки. И отношение мистера Доу к бастующим стало постепенно меняться. Теперь он более не радовался при виде людей с плакатами, а скорее впадал в тревожное уныние. Иногда им даже овладевала злость, и он исступленно шептал в выпуклый экран телевизора: «Меня тоже многое не устраивает, но я же не иду на улицу с плакатом вместо работы! Я ведь сделаю только хуже!»

Впрочем, несмотря на негодование мистера Доу, забастовки не только не прекращались, но и становились все более частыми и продолжительными. В итоге каждый новостной выпуск он смотрел с замиранием сердца, втайне надеясь, что все проблемы в стране каким-нибудь волшебным образом решатся и исчезнут.

«Премьер-министр заверил, что готов выслушать бастующих, хотя и не обещает предложить новые условия...» – продолжил было диктор, как вдруг его речь бесцеремонно прервал телефонный звонок. Звук моментально разлетелся по всей квартире. Мистер Доу удивленно приподнял бровь, с сожалением посмотрел на диктора, после чего нехотя встал и подошел к журнальному столику у окна.

– Алло! Алло, я вас слушаю! – крикнул он в трубку, однако никто не ответил. Раздалось лишь недолгое шуршание, за которым сразу последовали короткие телефонные гудки. Мистер Доу озадаченно покрутил трубку в руках, словно пытаясь понять, сорвался ли звонок по его вине или по вине звонящего. Так и не придя ни к какому выводу, положил ее на место и вернулся к телевизору.

Новостной выпуск уже закончился, и ему на смену пришел прогноз погоды. *«Сегодня ночью будет морозно, многие регионы накроет густой туман»*, – говорил низкий закадровый голос. Мистер Доу устало зевнул и потянулся. Пора было идти спать.

Постельное белье, кое-как завязанное в узел, хранилось в одном из нижних шкафов на кухне. Мистер Доу мечтал об отдельной спальне или хотя бы кровати, но в его крохотной квартире места для такой роскоши, увы, не хватало. Оттого приходилось ютиться на диване перед телевизором. Он с трудом распутал смятую простыню, бросил на диван подушку и, завернувшись в одеяло, вдруг подумал: «Может, купить другой диван, побольше?» Но, поразмыслив немного, быстро отказался от этой идеи. Новый диван сейчас стоил бы целое состояние.

Ноги неудобно упирались в подлокотники, а старые ножки дивана жалобно скрипели от малейшего движения. Мистер Доу, проворочавшись без сна добрых полчаса, уставился в потолок и сердито вздохнул. Как же ему все осточертело: этот диван, эта квартира, этот холод, эта безысходность!..

Ночная мгла, расплзшаяся по квартире, одновременно слепила и успокаивала. Мистер Доу задумчиво разглядывал тонкую полоску света на потолке от уличного фонаря, сочившуюся сквозь небольшой зазор между плотными шторами. «Поменять квартиру? Уехать куда-нибудь? – мелькали вопросы в голове мистера Доу. – Но куда? И главное, зачем?..»

Где-то вдалеке раздался прерывистый собачий лай. Полоска света на потолке на мгновение исчезла и появилась. Мистер Доу, все еще теряясь в мыслях, протяжно вздохнул. Вдруг полоска света снова исчезла. Мистер Доу, заметив это, озадаченно поводил взглядом по темному потолку, а затем повернулся к окну, заставив несчастные ножки дивана всхлипнуть.

Зазор между шторами был слишком мал, чтобы что-либо разглядеть, но... «Кажется, там кто-то есть! – пронеслось в голове перепуганного мистера Доу. – Кому могло взбрести в голову спуститься на цокольный этаж? И в такое позднее время? Соседка сверху, мисс Мэйпл? Но она в такое время уже давно спит. А самая верхняя квартира пустует...» Стараясь не отводить взгляда от окна, мистер Доу опустил дрожащую руку на ледяной пол в поисках очков. С трудом нащупав их, он осторожно поднялся и, крадучись, подошел к окну. Сердце билось с ужасной силой, отдавая в уши. Между штор что-то мелькнуло, и свет от уличного фонаря ударил мистера Доу прямо в лицо.

Выждав несколько секунд, он подкрался к входной двери и, стараясь издавать как можно меньше шума, приоткрыл ее. На улице было тихо. В морозном воздухе клубился густой туман, и свет от фонаря возле дома мистера Доу казался приглушенным и рассеянным. Даже если кто-то и прятался в ночном тумане, разглядеть его было совершенно невозможно.

Мистер Доу закрыл дверь, повернул замок и несколько раз подергал ручку, проверяя, надежно ли заперта дверь. Затем он вернулся к окну и поправил шторы, чтобы больше не было зазора. Вернувшись в постель, он еще долго смотрел на темно-бордовые шторы, казавшиеся в темноте совершенно черными. Затем он взял с кофейного столика небольшую круглую баночку и потряс ее. На ладонь упала таблетка от мигрени, которую он тут же проглотил. И спустя несколько минут он наконец забылся беспокойным сном.

Глава II

Блэк-Гроув, Англия. 1970-е

На следующий день урок математики должен был по обыкновению начаться с проверки посещаемости учеников. Мистер Доу потянулся к неглубокому деревянному шкафчику позади учительского стола, чтобы достать журнал, но, к его удивлению, дверца шкафа оказалась заперта. «Что за чертовщина?» – едва слышно произнес мистер Доу, выдвигая все ящики своего стола и ловко перебирая их содержимое в поисках ключа.

Отчаявшись, он взглянул на учеников, которые в ожидании начала урока оживленно переговаривались, дурачились и громко хохотали. Стивен, неутомимый подросток с огромной кудрявой шевелюрой, вскочил с места и зачем-то принялся закидывать соседа по парте ручками и карандашами, то и дело дергаясь от смеха.

– Так-так, – начал мистер Доу, и ученики замерли. Взгляд учителя метался по настороженным лицам. – Журнал посещаемости в шкафу, шкаф закрыт, а ключ исчез. Никто из вас не хочет сообщить мне, где ключ? Не сам же он ушел отсюда!

Ученики стали переглядываться и озираясь по сторонам, будто пытаются определить, кто из их товарищей мог быть причастен к исчезновению ключа. Впрочем, мистер Доу и не ждал, что кто-то признается. Он еще раз для верности подергал дверцу шкафа, после чего обернулся к классу и раздраженно произнес:

– В таком случае прошу дежурного сообщить мне, кто сегодня отсутствует. Я запишу себе отдельно.

С места встала Джинни, худая и очень бледная девочка, которую одноклассники прозвали «привидением». Наверняка она вызвалась быть дежурной, чтобы с ней хоть немного начали считаться. Это не помогло, Джинни все равно постоянно дразнили и задирали.

Глухо кашлянув, она принялась перечислять:

– Сэр, сегодня нет Николы Уотсон, Джеймса Престона, Иана Декмана...

Мистер Доу встрепенулся:

– Как? Джеймса нет? – Он устремил взгляд на предпоследнюю парту левого ряда, будто бы, вопреки сказанному, пытается отыскать там белокурую голову Джеймса.

– Его не было в школе с самого утра, сэр, – крикнул кто-то из учеников.

Мистер Доу нахмурился. Несмотря на скверный характер и явное отсутствие должного воспитания, Джеймс демонстрировал поразительные успехи в математике. Он часто пропускал другие предметы, но на уроках математики непременно присутствовал. Мистер Доу часто хвалил его и искренне радовался, когда видел в глазах Джеймса восторг.

Однажды, например, мистер Доу предложил классу решить свою любимую задачу на сообразительность, дав на размышление десять минут:

Сколько раз нужно сломать плитку шоколада $m \times n$, чтобы получить кусочки размером 1×1 ? Вы можете сломать уже имеющийся кусок шоколада по горизонтали или по вертикали, при этом нельзя отламывать две части или более одновременно.

В задаче не было ничего сложного, но, удивительное дело, она ввергала в ступор даже отличников. Обычно в десять минут никто из учеников не укладывался, и довольно скоро весь класс охватывало уныние.

Но Джеймс не разочаровал мистера Доу и в тот раз. Не прошло и пяти минут, как в дальнем левом углу класса раздался стук кулаком о парту, за ним последовал победный крик:

– Сэр, я понял! – Джеймс отчаянно махнул рукой. – Я решил!

Мистер Доу немедленно направился к парте мальчика и с удовольствием выслушал верное решение задачи. Глаза Джеймса искрились от радости. Скорее всего, он ужасно гордился собой, однако старался этого не показывать и игнорировал испепеляющие взгляды отличников.

Впрочем, кое-что все же огорчило мистера Доу. Пока Джеймс с воодушевлением объяснял решение задачи, энергично взмахивая длинными руками, учитель заметил под левым глазом Джеймса небольшой кровоподтек. Нижняя губа, и без того немного выпяченная вперед, опухла, словно ее сильно закусил, а на бледных костяшках темнели порезы и ссадины. Даже на ухе, которое Джеймс пытался скрыть за белокурыми прядями, было что-то вроде раны, неумело заклеенной пластырем.

После урока мистер Доу тихонько подозвал его к учительскому столу. Джеймс пребывал в прекрасном расположении духа, но вопрос мистера Доу, казалось, одним махом выбил почву из-под его ног.

– Послушай, Джеймс, ты же неглупый парень, – осторожно начал учитель. – Надеюсь, ты не ввязался в неприятности?

Мистер Доу хорошо знал подростков и был готов к очевидному вранью, но то, что произошло далее, стало для него полной неожиданностью. Улыбка исчезла с лица Джеймса, а нижняя губа истерически затряслась. Он нервно обернулся на уже опустевший класс и вдруг рухнул на стул перед учительским столом, закрыв лицо руками и сотрясаясь от беззвучного плача. Сердце мистера Доу кольнуло и сжалось, но он решил не давить на мальчика, дать выплакаться. Лишь когда плечи Джеймса перестали дергаться, мистер Доу тихо спросил:

– Могу ли я как-то тебе помочь?

Мальчик поднял на учителя раскрасневшиеся глаза, полные недоумения, будто бы тот произнес полнейшую глупость. Уголки его губ дернулись и растянулись в горькую усмешку:

– Вы? Помочь? Никто... Никто не поможет.

И совершенно внезапно для самого себя Джеймс принялся рассказывать о том, что его отец – негодяй и пьяница, который мучает всю семью. «Мать он бьет, – говорил он, сжимая от ненависти кулаки, – а она молчит и только плачет». Оказалось, что достается и детям: самому Джеймсу и трем его младшим братьям. Любая провинность – и в ход идут безжалостные отцовские кулаки.

– Вчера он опять стал кидаться на мать. Я не мог больше терпеть! – Джеймс вдруг остервенело хлопнул ладонью о собственное колено и с вызовом посмотрел на мистера Доу, словно ждал возражения. – Мне уже тринадцать! Он не смеет!..

Мистер Доу мрачно произнес:

– Это отец тебя избил?

Джеймс неохотно кивнул. Мистер Доу тем временем откинулся на спинку стула и задумчиво сказал:

– Я должен сообщить об этом мистеру Джеффрису. Уверен, он сможет помочь.

Мистер Джеффрис, заместитель директора школы, был суровым и безапелляционным человеком, которого боялись абсолютно все – и ученики, и учителя, наверняка даже сам директор школы. Единственным исключением, пожалуй, были школьные уборщицы, те не боялись сделать мистеру Джеффрису замечание, если тот по неосторожности рассыплет табак у себя в кабинете. Он, в свою очередь, всегда за такое кротко извинялся и старался поскорее скрыться из виду. С остальными он был исключительно строг и холоден.

Услышав имя заместителя директора, Джеймс запаниковал и вскочил со стула:

– Нет-нет! Не нужно ему ничего говорить! Он натравит на отца полицию, отца посадят в тюрьму, а моя мать... – Он вдруг снова всхлипнул. – Она не выдержит этого, клянусь вам, она не выдержит, если его арестуют!..

Осознав, что мистер Доу не убежден, Джеймс ошетинился, озлобился и угрожающе воскликнул:

– Не смейте никому говорить! Никому! Если скажете, я буду все отрицать! Я уже жалею, что рассказал! Я думал, вы не станете трепаться!

Мистер Доу поправил оправу очков, провел кончиками пальцев по усам, будто проверяя, на месте ли они, а затем ответил:

– Ты должен пообещать мне быть осторожным и не лезть с отцом в драки. И я все же считаю, что ты должен обратиться в полицию. Подумай сам, – мистер Доу резко понизил голос, – ты подвергаешь опасности не только себя, но и своих младших братьев.

В глазах Джеймса вспыхнул недобрый огонек.

– Поклянись, что не скажете никому! – прошипел он.

Сделав над собой некоторое внутреннее усилие, мистер Доу спокойно сказал:

– Я никому не расскажу, это будет наш с тобой секрет.

Джеймс вышел из класса, в коридоре то и дело пугливо оглядывался по сторонам. А мистер Доу тем временем, задумчиво вздохнув, направился напрямик в кабинет заместителя директора мистера Джеффриса. Это было небольшое, но очень светлое и даже уютное помещение, сплошь заставленное ящичками, шкафчиками и полочками. Сам мистер Джеффрис обычно сидел в глубоком удобном кресле, а своим гостям предлагал разместиться на жестком стуле напротив. На стенах были развешаны рамки со всевозможными сертификатами и благодарственными письмами. Над письменным столом на небольшой полочке горделиво стояла фотография, на которой светившийся от счастья мистер Джеффрис крепко пожимал руку известному политику, некогда выпускнику этой школы.

Выслушав историю Джеймса, мистер Джеффрис принялся расхаживать вдоль стола, недовольно зажав сигарету в зубах. Он будто о чем-то старательно раздумывал, но, судя по всему, ни одна из приходивших на ум мыслей его не устраивала. Наконец он почесал гладкую (будто бы наполированную) лысину на затылке и остановился, вцепившись взглядом в скромного сидящего напротив мистера Доу:

– Видите ли, есть небольшая проблема... – Он раздосадованно выдохнул дым. Разговор явно не доставлял ему никакого удовольствия. – Отец Джеймса, мистер Престон, человек, быть может, и непростой по характеру, но есть у него одно неоспоримое достоинство.

Мистер Доу вопросительно поднял брови, вежливо ожидая пояснений. Мистер Джеффрис, погружаясь в облако сигаретного дыма, неохотно продолжил:

– Когда-то он сам учился в нашей школе, а сейчас щедро спонсирует многие школьные проекты и начинания, как вы понимаете, мне не хотелось бы... ссориться с ним.

Мистер Доу, не справившись с охватившим его изумлением, тут же сдавленно воскликнул:

– Что же вы предлагаете? Просто молчать?

Облако дыма рассеялось, вновь явив взору мистера Доу недовольного, уже даже изрядно раздраженного мистера Джеффриса. Тот был немолод, но держал себя в прекраснейшей форме, носил идеально скроенные костюмы и никогда не позволял себе выглядеть неряшливо, сверкал белоснежными манжетами и тщательно наполированными ботинками. Остатки его седеющих волос всегда были аккуратно зачесаны так, чтобы максимально замаскировать досадную лысину на затылке. Однако, к его несчастью, годы постепенно брали свое, и маскировка помогала все меньше. Единственное оставалось неизменным – его строгий, даже диктаторский подход к учебному процессу. Голос мистера Джеффриса, низкий и раскатистый, столь подходящий ему по должности, резко подавил возмущение мистера Доу:

– Полагаю, чета Престонов сама разберется со своими семейными делами. Дорогой мистер Доу... – Он остановился у стола и взглянул на собеседника в упор. – Иногда не стоит лезть в чужие дела.

Мистер Доу совсем растерялся и, неохотно потупив взор, был вынужден согласиться. С тех самых пор он всегда с волнением поглядывал на Джеймса, в страхе, что вновь увидит

синяки и ссадины на его бледной коже. Впрочем, сам Джеймс старательно делал вид, будто ничего скверного не происходило. Лишь однажды, когда мистер Доу упрекнул его в том, что тот шумно зевает во время урока, Джеймс полусушня бросил: «Простите, сэр, я не ночевал сегодня дома». Все в классе засмеялись тогда, приняв это за остроумную дерзость, однако мистер Доу насторожился.

«Что, если мальчик действительно не ночевал дома из-за отца?» Беспомощность обезоруживала мистера Доу, ведь, казалось, любые попытки исправить ситуацию сделали бы только хуже. Да и кто он такой? Всего лишь учитель математики...

– Сэр, это все. Все остальные в классе. Сэр?.. – Растерянный голос дежурной Джинни резко выдернул мистера Доу из болота воспоминаний.

Он неловко поправил очки и торопливо объявил тему урока. Впрочем, мысли его все равно витали далеко за пределами класса. Едва прозвенел звонок, мистер Доу кинул записную книжку и прочую мелочь в сумку и тут же направился в конец коридора, еще кишашего визгливыми учениками. Поднявшись на четвертый этаж, он остановился перед кабинетом номер четыреста семь.

Коротко постучав, он толкнул дверь и тут же очутился в просторном шумном помещении. По правую руку ютились несколько парт, за которыми непринужденно сидели ученики и что-то мастерили, периодически пересмеиваясь и перебрасываясь бранными словами, за что тут же получали резкое замечание от учительницы. В противоположном углу стояла большая доска, на которой девушка с неуместным для школы макияжем и огромными накладными ресницами старательно пририсовывала к химической формуле рожицы. В середине класса размещался стол для пинг-понга. Вокруг него суетливо бегала парочка играющих ребят, громко хохоча каждый раз, когда мяч с глухим стуком падал на пол. Еще несколько учеников разбрелось по остальной части класса: кто-то решал примеры в тетради, мерно покачивая головой в такт звучащей по радио песне Дэвида Боуи, кто-то широко зевал, тщетно пытаясь сконцентрироваться на сочинении.

– Майкл, скажи, почему мистер Эпплби опять жалуется, что ты бездельничаешь на его уроках? – спросила хрупкая мисс Паттерсон, ответственная за класс для отстающих и наказанных.

Кудрявый и нескладный Майкл, сидевший напротив нее, тотчас глупо улыбнулся:

– Я не знаю. Ему вечно что-то не нравится.

Мисс Паттерсон укоризненно взглянула на него сквозь тонкие очки:

– Ты не задумывался, что, быть может, это не он придирается к тебе, а, наоборот, ты что-то делаешь не так?

– Мне все равно. – Тонкая верхняя губа Майка вновь задралась в улыбке, обнажив десны. – На его уроках скучно.

Юная мисс Паттерсон, еще не привыкшая к манипуляциям учеников, не выдержала и раздраженно отмахнула сползшую на глаза прядь волос:

– Майкл, ты ходишь в школу не для того, чтобы тебя развлекали! Когда же ты уже... – Она вдруг заметила вошедшего мистера Доу, и недовольное выражение ее лица резко сменилось на сияющую улыбку. – А, добрый день!

Отпустив Майкла заниматься своими делами, она направилась к мистеру Доу, зачем-то усиленно поправляя и без того идеально струящиеся по плечам локоны. Она была ненамного старше учеников, худая, с тонкой короткой шеей и большими изумрудными глазами за блестящей оправой очков. Убрав руки в карманы строгого серого платья, мисс Паттерсон обратилась к вошедшему:

– Чем могу вам помочь?

Мистер Доу тем временем окинул всех беглым взглядом и, не обнаружив нигде Джеймса, смущенно улыбнулся:

– Прошу прощения, что беспокою... Все дело в том, что за скверное поведение я направил сюда одного ученика, Джеймса Престона. Он должен был прийти после уроков. И я лишь хотел убедиться... что он проигнорировал мое требование.

Судя по всему, мисс Паттерсон была вовсе не против визита мистера Доу. То ли это была игра света, то ли оптическая иллюзия, но казалось, будто ее изумрудные глаза потемнели и стали кокетливо мерцать.

– Я могу сообщить мистеру Джеффрису о том, что он не пришел, – произнесла она, не моргая и не отводя от мистера Доу пристального взгляда. Ее блестящие каштановые кудри мерно покачивались в такт движениям грудной клетки.

– Нет-нет... – сконфуженно пробормотал мистер Доу, а затем торопливо добавил: – Что ж, благодарю вас, мисс Паттерсон. Хорошего вам дня!

И, не дожидаясь ответа, он едва не бегом направился в сторону выхода. Коснувшись холодной дверной ручки, он зачем-то обернулся и встретился взглядом с мисс Паттерсон, которая так и стояла посреди класса, внимательно наблюдая за ним.

Мистер Доу выскочил в коридор, закрыл за собой дверь и выдохнул. «Женщины! – прошептал он было про себя, а затем, мгновение поразмыслив, развернулся обратно к двери и схватился за ручку. – А впрочем...»

Вновь толкнув дверь, он неуклюже просунул голову в класс. Мисс Паттерсон стояла возле лопоухого мальчишки, который левой рукой вырисовывал что-то в тетради. Она казалась несколько расстроенной.

– П-позвольте... – неуверенно произнес мистер Доу. – Мисс Паттерсон, позвольте отвлечь вас на минуту.

Она подняла на него изумленный взгляд, и тонкая оправа ее очков торжествующе сверкнула.

– Если только на минуту. – В голосе зазвучали капризные нотки. Тем не менее мисс Паттерсон тут же вышла в коридор. – Ну, что вы хотели?

Закрыв за ее спиной дверь в класс, мистер Доу почти шепотом произнес:

– Что вы делаете завтра после уроков?

Тонкие брови мисс Паттерсон взлетели вверх:

– А по какой причине вы интересуетесь?

Могло показаться, будто на ее лице промелькнуло что-то вроде недовольства или недоумения, однако блеск в темных зеленых глазах не унимался и разгорался лишь сильнее. Мистер Доу скромно отвел взгляд:

– Я подумал, почему бы нам не... Как насчет того, чтобы выпить кофе в «Уимпиз»? Говорят, там весьма неплохо.

Изумрудные глаза мисс Паттерсон забежали по его лицу, точно пытаясь определить по застенчивой, немного дрожащей улыбке, не шутит ли он над ней. Наконец она чуть отстранилась и, игриво блеснув тонкой оправой, ответила:

– Хорошо. Кажется, я завтра заканчиваю в шесть.

Торжествующий мистер Доу сбежал по ступеням школьного крыльца и зашагал по до боли знакомому маршруту. Проходя по Уорик-авеню, мистер Доу опасливо покосился на дом старухи Грейс, но, к счастью, в тот момент нижняя створка ее давно не мытого окна была опущена, а в комнате чернела темнота.

Весь день шел отвратительный мелкий дождь, больше похожий на взвесь микроскопических капель в воздухе, и ступени, ведущие к квартире мистера Доу, намокли и стали скользкими из-за разросшегося мха. Крепко держась за перила, мистер Доу аккуратно спустился к своей двери, торопливо провернул ключ в замке и вошел в темную квартиру. По привычке бросив влажное пальто на кресло при входе, он тут же щелкнул переключателем на телевизоре, и по комнате разлился голос диктора новостной программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.